

УДК 396

М.И. ПУСТОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФЕМИННОСТИ КАК КРИЗИС ФЕМИНИЗМА**Пустова Мария Ивановна** – заместитель главы Днепропетровской государственной администрации

В статье рассматривается амбивалентность публичных репрезентаций образа женщины в украинской политике, тенденции их трансформаций, а также возможность влияния на теорию и практику феминизма.

Ключевые слова: гендер, феминное, маскулинное, эмансипация, суфражизм, стереотип, культурные символы.

У статті розглядається амбивалентність публічних репрезентацій образу жінки в українській політиці, тенденції їх трансформацій, а також можливість впливу на теорію та практику фемінізму.

Ключові слова: гендер, фемінінне, маскуліне, емансипація, суфражизм, стереотип, культурні символи.

The article deals with the ambiguity of the public representations of woman's images in the political sphere of Ukrainian life, its relation to feminism and the possible impact on it.

Key words: gender, femininity, masculinity, emancipation, suffrage, stereotypes, cultural symbols.

© М.И. Пустова, 2012

Постановка проблемы. Утверждая равенство возможностей в реализации жизненных программ людей вне зависимости от их половой принадлежности, постиндустриальное либеральное общество способствует развитию активной и свободной женской личности. В то же время тенденции развития фемининного и маскулинного в современном социуме постмодерна предполагают высокую степень изменчивости и нестабильности. Последнее проявляется порой в крайне амбивалентных репрезентациях образа женщины, представленных как в западноевропейской публичной сфере, так и на украинской политической арене.

Цель исследования. Раскрытие содержания гендерных репрезентаций в украинской политике и культуре наших дней, а также определение тенденций их трансформации в современной теории феминизма и гендерных исследованиях.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследователи утверждают, что феминизм, возникший в Просвещении как общественное движение, начинает свою историю с «Декларации прав человека и гражданина» (1789) [3, с.12]. Элизабет Бадинтер пишет, что слово «феминизм» вошло во французский язык около 1840 г., и его автором был философ и экономист Ш. Фурье [1, с.522]. Что касается самого термина «феминизм», то, как замечают ученые, это слово первоначально появляется в качестве медицинского термина в диссертации Ф.-В. де ла Кура под названием «О феминизме и инфантилизме у туберкулезных больных» (1871). В это же время возникло прилагательное «феминистический» с первоначальным значением «недостаток мужественности». Его употреблял как негативный эпитет А. Дюма в своем памфлете «Мужчина – женщина» (1872) [7, с. 75].

Существует, однако, мнение, что феминистские идеи были распространены еще в Древней Греции: многие гетеры, например, были образованными, самодостаточными личностями. Комментаторы вспоминают подругу Перикла Аспасию, трагедии Эврипида, «Лисистрата»

Аристофана и т.д. Следует сразу же заметить, что как бы ни развивался «феминизм до феминизма» в последующие исторические эпохи, он всегда оставался в русле культурного движения с максимальными требованиями допуска женщин к образованию [4, с.110-161]. Исследователи отмечают, что само понятие «феминизм» чаще соотносится с Западной Европой и США, а понятие «эмансипация» – с Россией и Украиной. Например, И. Жеребкина сразу же расставляет акценты в названии своей статьи – «Против западного феминизма: русская эмансипированная женщина Аполлиария Сулова». А. Сулова, по утверждению Жеребкиной, – представительница «женского эмансипационизма», который в российской культуре XIX в. является разновидностью «феминисток до феминизма» [6]. В то же время исследователи подчеркивают, что понятия «эмансипация», «женский вопрос» – более частные, входящие в понятие «феминизм». В целом, не подвергается сомнению, что западное женское движение (феминизм) возникло внутри движения за права человека. В конце XIX в. это был механизм репрезентации женских политических интересов в политической структуре общества [5, с. 91].

Хотя отношения к ранним феминисткам было всегда отрицательным (в лучшем случае – настороженным), «феминизм до феминизма» не был маргинальным движением. Женское движение, возникшее в Просвещении как отстаивание не только социальных, но и политических прав женщин, суфражизм конца XIX – начала XX в. перевели женщину в маргинальное поле политической жизни с резко отрицательной реакцией «добропорядочных граждан» как на теоретические установки феминизма, так и на практики, используемые феминистками в своей борьбе за эмансипацию. Негативный образ женщины-суфражистки окончательно утвердился, когда сторонники суфражизма отошли от усвоенных понятий о респектабельности и женственности, когда суфражистки (например,

представительницы семьи Панкхерст) принялись устраивать марши, демонстрации, беспорядки, когда они решили атаковать парламент, приковывать себя цепями к ограде Букингемского дворца, когда их стали судить и заключать в тюрьмы. Таким образом они, действительно, бросили вызов патриархатному обществу, тем устоявшимся представлениям о гендерных ролях, которые царили в конце XIX – начале XX в. Отвага феминисток перед лицом опасностей, их голодовки и насильственное кормление, которое испытали на себе тысячи женщин, конечно, продемонстрировали, что их глупо рассматривать в качестве хрупких и робких созданий, всегда нуждающихся в мужской опеке и защите. Вызов общепринятым традициям имел масштабный характер, зачастую весьма острый, например, поджог домов. (Следует сразу же заметить, что это был протест против собственности, а не против жизни, здесь суфражистки проявляли особую осторожность). Разбивание окон и поджоги вряд ли могли считаться традиционной деятельностью «дам», так что образ женщины как пассивного, зависимого создания суфражистки разнесли вдребезги так же эффективно, как и зеркальные окна на Риджент-стрит [2, с. 100]. Хотя подобная тактика не пользовалась популярностью в обществе, она привлекла внимание широкой публики, а женское движение уже не ставило респектабельность превыше всего. Как считала Кристabelle Панкхерст, понимание того, что женщины могут действовать подобным образом, было столь важно не только в силу непосредственного эффекта для кампании за избирательные права, но и вследствие воздействия таких акций на господствующую идеологию.

Сознательно нарушая общественный порядок (все лидеры суфражизма были благовоспитанными представительницами среднего класса), они пытались привлечь внимание общественности и властей к проблеме избирательных прав для женщин: в ограниченном объеме эти права англичанки получили в 1918 г., а в полном объеме – в 1928 г. (Первой страной, предоставившей женщинам гражданское право голоса, была Новая Зеландия (1893), затем Австралия (1902), потом Скандинавские страны: Финляндия (1906) и Норвегия (1913).

Хотя суфражизм – одна из самых ярких страниц в истории женского противостояния властям, нужно признать: женщины-мятежницы были всегда. Самые печально знаменитые – это, безусловно, «ведьмы», женщины, эксплуатировавшие свое знание целебных трав и доверие простых крестьян, в некоторых случаях – мистицизм, «белую» или «черную» магию. Власти и церковь казнили таких женщин самым жестоким образом, потому что прежде всего они были «возмутителями спокойствия», а уже затем – еретиками, предложившими новое прочтение сакральных текстов или новое видение миссии человека. В любом случае ведьма – это женщина, заключившая союз с сатаной. Используя подобное представление, церковные иерархи отравили на костер десятки тысяч женщин в Средние века и Возрождение. Не имея возможности останавливаться на всем комплексе интересных с

точки зрения гендера проблем демонологии, хотелось бы упомянуть один из важнейших документов этой истории – трактат немецких теологов-инквизиторов Генриха Инститориса и Якоба Шпренгера «Молот ведьм» (конец XV – начало XVI в.). Всякое отклонение от заданного стереотипа поведения рассматривается в «Молоте ведьм» как результат и свидетельство, уже не требующее иных доказательств, непосредственного вмешательства дьявола и его агентов – женщин. Особенно наглядно проявляется последнее, как отмечают исследователи, в оценке инквизиторами любовной страсти: признаком дьявольского наваждения считают они необъяснимость любовного чувства. Защищая примат «*caritas*» – сверхъестественной любви, теологи осуждали страсть, назвав ее «либидо» – похоть. Августин наставлял: «Похоть и стыд от греха... Когда похоть побеждает, побеждает дьявол; когда похоть побеждена, побежден и дьявол» [8, с. 25]. В этом отрицании любви между мужчиной и женщиной эмфаза всегда была на телесности – греховной телесности женщины. В то же время пуританство, как тонко заметил М. Фуко, – это не столько страх перед сексом или отвращение к нему, сколько придание ему законного статуса предмета для обсуждения, любовь к скабрёзным подробностям, к порнографическим ситуациям: женское тело всегда было в центре «похотливого целомудрия» патриархатной культуры. Что касается феминизма, его теории, то при всем внимании к телесности тело женщины рассматривается совсем в другом ключе, в ключе особой креативности, сущностной связи между женским письмом и телом, локализации Воображаемого (Э. Сиксу). Феминистки, исследователи гендера давно уже сделали вывод о том, что женщины и женское тело – это культурно-символическая «доска», на которой человеческие общества записывают свой моральный кодекс (С. Бенхабиб).

Изложение основного материала исследования. Несмотря на сложность обсуждаемых в данной связи вопросов, следует заметить, что главной проблемой остается понятие человеческой природы мужчины и женщины: роли рассудка, превосходства разума над телом, специфических способов мышления. Феминистки, придерживающиеся постмодернистской ориентации (Р. Брайдотти, Дж. Ллойд, Д. Кул), утверждают, что именно различия в сексуальности порождают разные виды мышления. В отличие от эссенциалистского подхода концепты социального конструирования определяют человека (и его гендер) только во взаимоотношениях с культурой, историей, социумом. Социальные институты западноевропейского общества – школа, церковь, право, медицина, искусство – постоянно воспроизводят «истину» о сущности пола, следствием чего, считают постмодернисты, является фиксация всех проявлений пола и приписывание им нормативности и оценочности.

В конце XX в. параллельно с развитием гендерной теории в теории феминизма наблюдается возврат к эссенциализму, защите «женственности», культивирующей гендерные различия мужчин и женщин, признающей их биологичес-

ки обусловленными. С другой стороны, сегодня многие влиятельные женщины стремятся продемонстрировать независимость от феминизма, который, по их мнению, пережил пик своего развития, связанный именно с борьбой за равноправие. Женщины сегодня могут существовать, фигурально выражаясь, не примеряя брюки (т.е. излишне не маскулинизируясь) и не надевая юбку, т.е. не сверхфеминизируясь. Но появляющиеся в таком случае «голые королевы» (вернее, «принцессы»), безусловно, никоим образом не способствуют авторитету феминизма, более того, они дискредитируют его. Что касается феминисток, то они, как и 200 лет назад, пытаются не только «продвигать» в искусстве – кино, литературе – положительный образ женщины, они зачастую навязывают такой образ во вред художественным ценностям своих произведений (реальная женщина, бесспорно, может быть и душой, и мегерой). К политической порнографии, эксгибиционизму под лозунгами эмансипации феминизм и как теория, и как практика не имеет никакого отношения. Различные «сестринства» («этнические братства по полу»), бывшие популярными в радикальном феминизме конца XX в., никогда не делали акцент на демонстрации обнаженного женского тела как политической акции. Они, напротив, подчеркивали диктат этого тела: как физиологический, так и эстетический, например красоту, которая тяготеет над женщинами, а потому физические недостатки слишком часто становятся метафизическими. Они призывали женщин не повиноваться требованиям моды, отказаться от красивого белья, отринуть культуру зрительного восприятия, навязывающую свои каноны столь же произвольные, сколь и непререкаемые. Поскольку мужчина во все времена смотрел на женщину как на свою добычу, утверждают радикальные феминистки, она – «дичь», ее оценивают в «натуре», выбирают и используют по сходной цене. Именно поэтому женщина никоим образом не должна подчеркивать свою соблазнительность: она не является универсальным сексуальным объектом и не должна им казаться. Если взять, к примеру, Пикассо, Ренуара или Дега, то эти прославленные художники, по мнению некоторых исследователей, демонстрируют ненависть к женщинам, которых они изображают порочными девочками, несуразными танцовщицами, а то и «кромсают на кусочки» (М. Френч). Очевидно, последнее относится к полотну Пикассо «Женщины Авиньона» (1907) – первой, по признанию критиков, действительно модернистской картине. Деформированные углы фигур женщин, африканские маски вместо лиц, изображающие проституток, передают, как пишут искусствоведы, панический страх Пикассо перед сифилисом, но, что более важно, провозглашают новую «антирепрезентационную» модель в искусстве.

Перформансы с обнаженным и полуобнаженным женским телом, которые имеют место последнее время под ярлыком феминизма, служат одной цели: вызвать ненависть к женщине, а потому «по определению» не могут служить целям феминизма. Женщины имеют очень не-

большое представление о том, как мужчины их ненавидят, пишет Г. Гриер [9, с. 279]. Стереотип женщины как сексуального объекта – это всего лишь один из стереотипов, используемых для маскировки и обмана. Мужчине далеко не всегда нравится смотреть на обнаженное женское тело, он не обязательно приходит в восторг, видя женщину в нижнем белье или «topless», он не теряет голову, когда «порыв ветра» поднимает ее юбку, когда грудь колыхнется под тонким свитером и т.д. Но стереотипное сознание заставляет девушку или молодую женщину полагать, что все вышеперечисленное – массовый гипноз для среднего мужчины. Отсюда – эксплуатация мужского зрительного восприятия в перформансах с полуобнаженными (и обнаженными) «представительницами феминизма». Мы видим, что дифференциация мужского / женского в подобных «акциях» подчеркнута и преувеличена, что заставляет нас задать вопрос: почему? Ответ, как представляется, лежит в простейшем гендерном стереотипе: женщина может быть или Девой, или Блудницей, она или «дитя», или колдунья. Справедливости ради следует заметить, что в конце XX в. возникает новый образ – женщины-киборга, воплощением которого является Мадонна. В целом, это ничего не меняет, Мадонна, бесспорно, от «низших», от греховных. Обнаженное женское тело в реальности улиц, стадионов и площадей артикулирует социальную категорию «исключения»: женщина уже «не – человек», она – «недочеловек». Как известно, евгеника, псевдонаука расистского «совершенствования», утверждала, что проститутки обнаруживают асимметрию лица, другие лицевые аномалии, маскулинные черты телосложения. Более того, девушки, обнажающие себя якобы во имя целей феминизма, безусловно, проигрывают в новой ситуации киберреальности, в ситуации, когда порнографией «он-лайн» насыщена всемирная паутина.

Компьютерные игры снабжены теперь «X»-кнопкой, игроки выбирают идеализированную персону, красивую и сексуально талантливую, и наслаждаются в одиночестве опытом «он-лайн» в соответствии с заранее заданной программой. Все дистанцировано и безопасно. Еще и поэтому гражданские акции с женским обнаженным телом выглядят грязными и пошлыми: они «вовлекают», они заставляют «чувствовать» физиологию, которая в отличие от киберсекса вовсе не выглядит прекрасным тонизирующим средством. Виртуальные женские персонажи составляют сегодня реальную конкуренцию живым кумирам, не говоря уже о «каких-то феминистках». Электронное пространство всемирной паутины оказалось идеальной средой не только для постмодернистских гипертекстов, но и для визуальных экспериментов по созданию новых героев (и героинь). Проблема красоты в виртуальном мире легко снимается с помощью компьютерной графики. Желающие могут подобрать себе любой имидж, начиная от прически и заканчивая фиктивной персоной собеседника в чате. Игра продолжается, более того, ее всегда можно начать заново.

Выводы. Как утверждают исследователи, феминизм складывается из двух компонентов: компонента освободительного, авторитарного и компонента секстанского, замешанного на озлобленности и утробном женском шовинизме. Если первый мы готовы разделить и дать отпор всякой дискриминации, то во втором легко увидеть в лучшем случае непоследовательность. И дело даже не в том, что пускаются в ход все средства, вопрос в том, что требуется на самом деле. Остается впечатле-

ние в лучшем случае самолюбования, окруженного ореолом риторики. Не слишком сложно сгустить краски, изображая борьбу с абсолютным произволом. Но, как правильно замечено, это игра в войну за свободу и равенство, это возможность быть одновременно и победителями, и побежденными. Экстремистски настроенные феминистки пытаются перевести отношения с договорной основы на иную, но бороться со скверной, купаясь в ней, очевидно, не самый действенный способ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бадинтер Э. Феминизм / 50*50. Опыт словаря нового мышления. – М.: Прогресс Пайо, 1989. – С. 522-525.
2. Брайсон В. Политическая теория феминизма. Введение. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.
3. Брандт Г. Философская антропология феминизма. Природа женщины. – СПб.: Алетейя, 2006. – 160 с.
4. Власова Т. И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии. – К.: Генега, 2006. – 296 с.
5. Жеребкина И. Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует. СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
6. Жеребкина И. Против западного феминизма: русская эмансипированная женщина Аполлиария Суслова // Гендерные исследования. – Харьков, 2000. – № 4. – С. 89-107.
7. Пахсарьян Н.Т. «Второй пол» С де Бовуар и судьбы феминизма в современной французской литературе // Гендерная проблематика в современной литературе. – М.: РАН, ИНИОН, 2010. – С. 75-95.
8. Сапрыкин Ю. М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. – М.: Из-во Московского университета, 1985. – 190 с.
9. Greer G. The Female Eunuch. – London, New York: Harper Perennial, 2006. – 397 p.